

Яна Михайловна ПЛОШКИНА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск),

кандидат юридических наук

ploshkina_yana@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

LEGAL NATURE OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Статья посвящена исследованию проблемы правовой природы российского уголовного процесса. УПК РФ эклектичен, сформирован под влиянием советского, континентального и некоторых элементов англосаксонского типов (моделей) уголовного процесса. Происходившие после принятия УПК РФ реформы в современном российском уголовном судопроизводстве свидетельствуют о поиске вектора его развития. В результате анализа основных типов (моделей) уголовного процесса и с учетом истории зарождения и становления процесса в России, системы стадий и институциональных основ автор аргументирует вывод, что, несмотря на эклектичность современного российского уголовного процесса, составляющую его специфику, российское уголовное судопроизводство относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет много общего с германским уголовным процессом.

The article is devoted to the study of the problem of the legal nature of the Russian criminal procedure. The Code of Criminal Procedure of the RF is eclectic, formed under the influence of the Soviet, continental and some elements of the Anglo-Saxon types (models) of criminal procedure. The reforms that took place after the adoption of the Code of the Criminal Procedure of the RF in the modern Russian criminal procedure indicate a search for a vector of its development. As a result of the analysis of the main types (models) of criminal procedure and taking into account the history of origin and formation of the process in Russia, the system of stages and institutional foundations, the author came to the conclusion that despite the eclecticism of the modern Russian criminal procedure, which constitutes its specificity, the Russian criminal procedure belongs to the continental (Romano-Germanic) type (model) of criminal procedure and has much in common with the German criminal procedure.

Ключевые слова: правовая природа уголовного процесса, германский уголовный процесс, вектор развития, континентальная модель.

Keywords: *legal nature of criminal procedure, Germanic criminal procedure, vector of development, continental model.*

Современное российское уголовное судопроизводство находится в процессе становления, претерпевает многие изменения. УПК РФ готовился и принимался

поспешно, в бурных дискуссиях [2, с. 46], как отмечает С.Б. Россинский, «без должной проработки и единообразного понимания вектора дальнейшего развития» [16, с. 58-65]. Не слу-

чайно, после принятия УПК РФ и вступления в силу с 1 июля 2002 г. он многократно был подвергнут различным изменениям: на сегодняшний день приняты свыше 300 федеральных законов о внесении изменений в УПК РФ, вынесены 37 решений Конституционного Суда РФ о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ.

Уже после принятия УПК РФ были проведены многие реформы: например, реформа следствия с созданием сначала Следственного комитета при прокуратуре РФ, а потом трансформированного в автономный Следственный комитет РФ, реформа судебных инстанций, в результате которой возникла апелляционная форма пересмотра приговоров по всем уголовным делам, претерпели изменения существующие с советского времени кассация и надзор.

Помимо этого в научной сфере ведутся различные дискуссии о трансформации уголовного процесса, например, посредством введения в него института следственного судьи [4; 8, с. 19-26; 18], о введении уголовного проступка в российское право и значительном расширении случаев прекращения уголовного преследования/дела по нереабилитирующим основаниям [8, с. 19-26; 18]. Так, Верховный Суд РФ, используя свое право законодательной инициативы, дважды вносил в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекты об уголовном проступке (20.12.2018 N 612292-7 и 15.02.2021 N 1112019-7), последний из которых до сих пор находится на рассмотрении¹. Законопроект об уголовном проступке предусматривает в том числе расширение случаев прекращения уголовного преследования/дела по нереабилитирующим основаниям в связи с применением иных мер уголовно-правового характера: в частности наряду с судебным штрафом предлагалось ввести общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Все это свидетельствует о стремлении российского законодателя определиться с вектором развития уголовного процесса.

Попытки выяснить правовую природу российского судопроизводства обусловлены тем, что современный российский уголовный процесс эклектичен, так как в нем отразилось влияние советского, континентального и некоторых элементов англосаксонского типов (моделей) уголовного процесса. Так, в российском уголовном судопроизводстве предусмотрен суд с участием присяжных заседателей, провозглашен принцип состязательности сторон для всего уголовного судопроизводства, включая не только судебное, но и досудебное производство (ст. 15 УПК РФ), установлен особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), следовательно, дознаватель отнесены к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ); вместе с тем следователь, дознаватель обязаны устанавливать как обвиняющие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства (ст. 73 УПК РФ), принимать решения о прекращении уголовного дела/преследования, а суд – собирать доказательства в целях установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73, 85 и 86 УПК РФ); кроме того, предусмотрена подробная регламентация производства предварительного расследования, производимого в формах дознания или предварительного следствия (раздел 8 УПК РФ).

Эклектичность современного российского уголовного процесса порождает существующую уже на протяжении многих лет в российской доктрине дискуссию о правовой природе современного российского уголовного процесса: принадлежит ли он к континентальному (романо-германскому) типу или модели уголовного процесса, но со своей спецификой, или это новая самобытная, эксклюзивная уголовно-процессуальная модель, либо является симбиозом порой не вполне совместимых между собой, а иногда взаимоисключающих элементов разных типов (моделей) западного уголовного процесса (континентальной, англосаксонской) [7, с. 41-43; 5, с. 177-179; 14, с. 8-11].

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> и <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 03.08.2023).

Уважая позиции ученых, хотелось бы поделиться некоторыми аргументированными соображениями относительно правовой природы современного российского уголовного процесса. Несмотря на его эклектичность, образующую специфичность, на наш взгляд, российское уголовное судопроизводство сохраняет приверженность к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса, учитывая его историю зарождения и становления в России, систему стадий и институциональные основы. В отличие от континентального (романо-германского) типа (модели) уголовного процесса в англосаксонской модели нет ярко выраженных этапов предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку уголовно-правовой конфликт от начала до конца разрешается судебным органом, перед которым участники являются сторонами, а сам процесс осуществляется в состязательной форме и другим быть не может [8, с. 19-26].

Следует также учитывать исторический аспект возникновения и развития уголовного судопроизводства в России, которое в результате судебной реформы 1864 года было создано по континентальному типу. Советский уголовный процесс, невзирая на свои особенности, сохранил смешанную форму. Согласно с учеными, считающими, что современный российский уголовный процесс, несмотря на стремление полностью трансформировать его в состязательный, в действительности остается прежним – с розыскным досудебным и состязательным судебным производством; такая стабильность исторической модели уголовного судопроизводства в России обусловлена тем, что в его основе лежит публичное, а не частное начало, поэтому состязательности нет в досудебном производстве, но она обязательна в судебных стадиях [7, с. 41-43].

Помимо этого одним из принципов в российском уголовном судопроизводстве выступает принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, невзирая на его формальное закрепление в УПК РФ. В уголовно-процессуальной доктрине рассматриваемый принцип

именуется иногда принципом объективной истины, содержание которого составляет требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, чтобы установить фактические обстоятельства в соответствии с тем, что было в действительности. Разделяем позицию авторов, относящих принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела к одному из основополагающих в российском уголовном процессе, свидетельствующих об его принадлежности к континентальному типу (модели) уголовного судопроизводства [10, с. 31-36]. Данный принцип в производстве по делу, когда разрешается уголовно-правовой спор, проявляется следующим образом: уголовно-правовая квалификация совершенного деяния должна соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела, которые были в действительности. Так, по мнению О.В. Качаловой, в отличие от англосаксонского типа (модели) уголовного процесса, где приоритет процессуальных норм допускает и предполагает широкое усмотрение прокурора по распоряжению уголовным преследованием, не находящееся в зависимости от фактических обстоятельств совершенного уголовно наказуемого противоправного деяния и не связанное с конкретной квалификацией обвинения, российское уголовное судопроизводство базируется на строгой обусловленности квалификации деяния и предъявленного обвинения фактическим обстоятельствам дела [11, с. 77-78].

Принадлежность российского уголовного судопроизводства к континентальному типу (модели) уголовного процесса наиболее ярко видна в досудебном производстве, являющемся одним из важных этапов уголовно-процессуальной деятельности, где процессуальная власть над уголовным делом сосредоточена в руках должностного лица, обязанного действовать всесторонне, полно и объективно. Несмотря на закрепление в УПК РФ принципа состязательности, российский законодатель сохранил в уголовном процессе предварительное расследование, предполагающее интеграцию юрисдикционных (следственных) полномочий с полномочиями по осуществле-

нию уголовного преследования [13, с. 10487]. Досудебное производство континентального типа уголовного процесса имеет принципиальные отличия от досудебного производства англосаксонского типа уголовного процесса, где нет лица, уполномоченного по долгу службы устанавливать фактические обстоятельства произошедшего преступления и собирать все доказательства в рамках единого уголовного дела, так как процедуру досудебного собирания доказательств в англосаксонском уголовном процессе возможно сравнить с собиранием доказательств двумя сторонами в гражданском процессе, поэтому действует принцип «двух досье», т.е. каждая их сторон (обвинение и защита) осуществляет собственное доказывание, собирая «досье» для дальнейшего представления в суд [5, с. 190]. Досудебное производство в традиционном понимании – феномен, характерный континентальному типу уголовного процесса [16, с. 58-65].

В континентальной модели судопроизводства в судебном разбирательстве в первой инстанции уголовные дела рассматриваются, как правило, профессиональными судьями, хотя участие непрофессионалов возможно (например, суд шеффенов в Германии, суд с участием присяжных заседателей в России), но оно не является системообразующим и распространенным, в отличие от англосаксонской модели, где дело рассматривается присяжными заседателями, решающими вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а профессиональный судья только председательствует в суде присяжных и вправе рассматривать мелкие уголовные дела. В англосаксонском уголовном процессе иным вариантом разрешения уголовных дел помимо суда присяжных является заключение разнообразных сделок, в том числе сделки о признании вины [5, с. 191-192].

Вместе с тем уголовные процессы стран континентальной Европы существенно различаются между собой. Поэтому в юридической науке традиционно континентальный тип (модель) уголовного судопроизводства подразделяется на романский («французский») и германский («немецкий»), и прежде

всего это касается механизмов организации досудебного производства [16, с. 58-65].

Учитывая специфику российского уголовного процесса, прежде всего его досудебного производства (например, юрисдикционный характер полномочий следователя и дознавателя, прокурорский надзор за процессуальной деятельностью не только органов дознания, но и органов предварительного следствия, а также ведомственный контроль, ограничивающий процессуальную самостоятельность следователя), некоторые ученые говорят о самобытной национальной модели досудебного производства в России в рамках континентального типа уголовного процесса, для которой характерно «бессистемное переплетение разных, в том числе плохо совместимых элементов, присущих другим моделям досудебного производства, что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности, в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты, а также собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания доказательства, равные по юридической силе, доказательствам, полученным самим судом» [16, с. 58-65].

Уважая самобытность представленного мнения и проанализировав «французский» и «немецкий» виды континентального типа уголовного процесса, приходим к выводу, что современный российский уголовный процесс, и прежде всего досудебное производство, несмотря на свой эклектизм, специфику и особенности, относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет больше сходств с «немецким», в частности с германским, уголовным процессом, чем с «французским» типом, по следующим моментам.

Российский механизм досудебного производства существенно отличается от «французского», несмотря на наличие у следователя и дознавателя полномочий, имеющих юрисдикционный характер. В современном российском уголовном судопроизводстве до-

знание и предварительное следствие – это не автономные стадии уголовного процесса, а одна стадия – предварительное расследование, осуществляемое в форме предварительного следствия или в форме дознания. Хотя основной формой расследования является предварительное следствие, российский законодатель предусматривает обширный перечень составов преступлений (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ), когда расследование проводится в форме дознания, а также допускает возможность дознания по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести по письменному указанию прокурора (п. 2 ч. 3 ст. 250 УПК РФ). Таким образом, в российском уголовном процессе дознание является полноценной формой предварительного расследования, когда возможно не прибегать к предварительному следствию. Российский законодатель закрепляет возможность перехода от дознания к предварительному следствию по письменному указанию прокурора (ч. 4 ст. 150 УПК РФ), так как дознание – упрощенная форма производства по отношению к следствию; но переход от следствия к дознанию невозможен.

Все это отличается от «французского» механизма досудебного производства (Франция, Бельгия, Испания, Греция и пр.), где предусмотрено четкое разграничение полицейского дознания и предварительного следствия и их функций: дознание отнесено к полиции, действующей под надзором прокурора; по завершении дознания именно прокурор решает возбуждать уголовное преследование/дело или отказать в его возбуждении. После возбуждения уголовное дело передается следственному судье для производства предварительного следствия. При этом предварительное следствие имеет судебную природу: следственные судьи – представители юстиции, наделенные обширными юрисдикционными полномочиями, сходными с полномочиями суда: они могут осуществлять следственные действия, собирать доказательства, формировать материалы уголовного дела, выносить имеющие правовые последствия правоприменительные акты [5, с. 193].

В отличие от «французских» следственных судей российские следователи не при-

надлежат к органам юстиции, а находятся в ведении органов исполнительной власти (следователи органов внутренних дел РФ и органов федеральной службы безопасности, ч. 2 ст. 150 УПК РФ) или такого федерального государственного органа, как Следственный комитет РФ, возникшего в 2011 г. (см. ч. 2 ст. 150 УПК РФ и Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Кроме того, для всех органов предварительного расследования в России, в том числе и для органов предварительного следствия, свойственна иерархическая организация, сходная с устройством полицейских органов, а также сильный ведомственный контроль, характерный не только для дознавателей, но и следователей. Хотя российский законодатель закрепляет процессуальную самостоятельность следователя, которая проявляется в его праве самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), но она сильно ограничивается ведомственным контролем. Так, руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем, а несогласие следователя с данными ему поручениями не является основанием для обязательной передачи дела другому следователю (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Все это свидетельствует в пользу «немецкого» механизма досудебного производства.

«Немецкому» механизму досудебного производства (Германия, Австрия, Швейцария и

пр.) свойственны упрощенные процедуры судебного производства: нет судебного предварительного следствия, имеется прокурорско-полицейское дознание, когда полиция действует под сильным надзором прокурора: полиция формирует доказательства, а прокурор на их основании выносит процессуально значимые решения. Для наглядной иллюстрации предлагаем обратиться к германскому уголовному процессу, являющемуся типичным и ярким представителем «немецкого» уголовного процесса.

В уголовном процессе Германии предварительное расследование проводится в форме дознания, «хозяйкой» [1, с. 63; 20, с. 49; 21, с. 51] которого выступает прокуратура, которая осуществляет расследование уголовного дела как непосредственно, так и давая соответствующие поручения сотрудникам полиции. В соответствии с §160 I УПК ФРГ при получении прокуратурой информации о совершенном преступном деянии она должна исследовать фактические обстоятельства для решения вопроса о предъявлении публичного обвинения¹. В обязанности прокуратуры входит предъявление публичного обвинения, для чего она должна принять меры в отношении всех преступных деяний, подлежащих преследованию, когда имеются достаточные фактические данные (§152 УПК ФРГ). В обязанности прокуратуры входит установление не только уличающих, но и оправдывающих обстоятельств, а также обеспечение сохранности доказательств, которые могут быть утрачены (§160 II УПК РФ). К полномочиям прокуратуры относится принятие юридически значимых процессуальных решений, например, решение об отказе от уголовного преследования, приостановлении и прекращении уголовного дела (см. §153 и последующие параграфы УПК ФРГ) [6, с. 226-234; 19, с. 82-88]. Таким образом, для принятия решения о предъявлении публичного обвинения прокуратура обязана исследовать все фактические обстоятельства как сама непосредственно, так и при помощи полиции; при этом сотрудники полиции должны выполнять

основанные на законе требования или поручения прокуратуры (§161 I УПК ФРГ). К полномочиям полиции относится расследование преступных деяний и принятие любых мер, не терпящих отлагательств. Сотрудники полиции, являющиеся помощниками прокуратуры [1, с. 73; 20, с. 60], незамедлительно направляют результаты расследования в прокуратуру. Если же имеется необходимость в проведении судебного следственного действия на стадии дознания, то необходимые материалы направляются непосредственно в участковый суд (§163 УПК ФРГ).

На наш взгляд, современный российский уголовный процесс, и прежде всего предварительное расследование, имеет много общего с «немецким» механизмом: осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), а также сильный ведомственный контроль как в дознании, так и за следствием, ограничивающий провозглашенную в УПК РФ процессуальную самостоятельность следователя, который не относится к органу юстиции, в отличие от следственных судей во «французской» модели досудебного производства.

Несмотря на отсутствие в настоящее время у прокурора права возбуждать производство по уголовному делу и самостоятельно проводить расследование, в досудебном производстве он наделен многими правами, позволяющими оказывать влияние на ход предварительного расследования, в частности уполномочен:

выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении

1 В УПК ФРГ используется термин «публичное обвинение» (öffentliche Klage), содержание которого схоже с таким понятием, как «государственное обвинение», используемое в российской уголовно-процессуальной доктрине.

сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Кроме того, дознание в российском уголовном процессе, по сути, построено в соответствии с «немецким» механизмом досудебного производства. Так, в дознании в Российской Федерации воплощена модель «сильной прокуратуры», так как прокурор уполномочен:

давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в порядке, установленном УПК РФ (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Другой отличительной особенностью «немецкого» механизма досудебного производства является институт следственного судьи (Ermittlungsrichter), фигура которого кардинальным образом отличается от схожего по наименованию института французского типа, поскольку следственный судья в «немецком» механизме досудебного производства не производит предварительное следствие, не рассматривает уголовное дело по существу, а преимущественно осуществляет судебный контроль за полицейско-прокурорским дознанием при проведении процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы.

Так, следственный судья в германском уголовном процессе в дознании уполномочен выносить решения о применении ряда мер, ограничивающих конституционные права и свободы (например, выемка предметов, находящихся в фактическом владении лица, которое отказывается добровольно их выдать (§ 94 II, 98 УПК ФРГ), контроль за телекоммуникациями и их запись без ведома лиц, которых затрагивают данные меры (§ 100a, 100b УПК ФРГ), прослушивание и запись разговоров лиц без их ведома в жилище при помощи технических средств (§ 100c, 100d УПК ФРГ), прослушивание и запись при помощи технических средств высказываний лиц без их ведома, сделанных негласно за пределами жилища (§ 100f УПК ФРГ), заключение под стражу (§ 112 и последующие, § 125 УПК ФРГ), предварительное помещение в психиатрическую клинику или специальное лечебное учреждение (§ 126a УПК ФРГ), временный запрет на занятие профессиональной, коммерческой деятельностью или определенным видом деятельности (§ 132a УПК ФРГ) [1, с. 184-185; 20, с. 180-181].

Однако в случаях, не терпящих отлагательства, прокурор обладает полномочием по принятию решений о проведении процессуальных действий, ограничивающих кон-

ституционные права и свободы (в частности, § 98, 100b, (100f, 100g, 100h, 105, 111, 111e, 131, 132 и др. параграфы УПК ФРГ) за рядом исключений, например, за исключением прослушивания и записи разговоров в жилище, временного лишения водительских прав, заключения под стражу, предварительного помещения в психиатрическую клинику или специальное лечебное учреждение, запрета на занятие профессиональной, коммерческой деятельностью или определенным видом деятельности.

Кроме того, в германском уголовном процессе прокуратура заинтересована в том, чтобы задействовать следственного судью в досудебном производстве с целью обеспечения сохранности собранных доказательств [1, с. 185; 20, с. 181].

Таким образом, институт следственного судьи в германском уголовном процессе по сути представляет собой судебный контроль над прокурорско-полицейским дознанием, поскольку в большинстве случаев следственный судья дает разрешение на проведение мер, ограничивающих конституционные права и свободы человека, а также выступает в качестве гаранта, обеспечивающего сохранность собранных доказательств в случаях, установленным уголовно-процессуальным законодательством Германии. Все это схоже с осуществлением судебного контроля над досудебным производством в российском уголовном процессе.

Наряду с главным направлением судебной деятельности – осуществление правосудия (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), у российского

суда имеется еще и второе направление: судебный контроль над досудебным производством, который реализуется в двух формах:

– выдача судом органам предварительного расследования разрешения на совершение действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ; ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

– рассмотрение судом жалоб на решения и действия (или бездействие) органов предварительного расследования (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ; ч. 3 ст. 29 УПК РФ).

Поэтому осуществление судебного контроля над досудебным производством в российском уголовном процессе по сути схоже с деятельностью следственного судьи в ФРГ, несмотря на отсутствие такой специальной фигуры в российском судопроизводстве. Поэтому согласны с авторами, утверждающими, что правовые основания для института следственных судей в контексте «немецкого» подхода уже в принципе заложены на конституционном уровне при принятии Конституции РФ 1993 года [8].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, считаем, что, невзирая на эклектичность современного российского уголовного процесса, составляющую его специфику, российское уголовное судопроизводство относится к континентальному (романо-германскому) типу (модели) уголовного процесса и имеет много общего с германским уголовным процессом, учитывая его историю зарождения и становления в России, систему стадий и институциональные основы.

Библиографический список

1. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной. – Красноярск, 2004.
2. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ / Б.Я. Гаврилов // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ) : сборник статей по материалам международной научно-практ. конф. / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – СПб., 2018.

3. Головкин, Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л.В. Головкин // Закон. – 2018. – N 1.
4. Головкин, Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции / Л.В. Головкин. – URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html.
5. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головкин, Л.В. Брусницын, А.А. Арутюнян ; под ред. Л.В. Головкин. – М., 2021.
6. Головиненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ – Strafprozessordnung (StPO): научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ» / П. Головиненков, Н. Спица. – Потсдам, 2012.
7. Давлетов, А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? / А.А. Давлетов // Российская юстиция. – 2017. – N 6.
8. Давлетов, А.А. Следственный судья в современной модели уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Российский судья. – 2020. – N 6.
9. Звечаровский, И.Э. На пути к уголовному проступку / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2021. – N 2.
10. Качалов, В.И. Действие уголовно-процессуальных принципов состязательности и всесторонности, полноты и объективности в стадии исполнения итоговых судебных решений / В.И. Качалов // Мировой судья. – 2017. – N 3.
11. Качалова, О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... докт. юрид. наук. / О.В. Качалова. – М., 2016.
12. Мартыненко, Н.Э. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда РФ ввести новую уголовно-правовую категорию / Н.Э. Мартыненко, Э.В. Мартыненко // Российский следователь. – 2021. – N 1.
13. Масленникова, Л.Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Л.Н. Масленникова. – М., 2022.
14. Махов, В.Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса / В.Н. Махов // Российский судья. – 2016. – N 9.
15. Медведев, Е.В. Уголовный проступок как «новый» уголовно-правовой феномен / Е.В. Медведев, В.И. Титов // Российский следователь. – 2019. – N 10.
16. Россинский, С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – N 4.
17. Самарин, В.С. Уголовный процесс европейских государств / В.С. Самарин, В.В. Луцки. – М., 2018.
18. Смирнов, А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / А.В. Смирнов. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.
19. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ / пер. с нем. Б.А. Филимонова. – М. 1994.
20. Beulke, W. Strafprozessrecht / W. Beulke, S. Swoboda. – Heidelberg, 2022.
21. Roxin, C. Strafverfahrensrecht / C. Roxin. – München, 1998.